

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОД И ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ ПРАГМАТИЗМА

Аннотация. Одним из важнейших направлений модернизации общественного сознания является прагматизм в мышлении и поведении.

Философскую основу прагматизма составляет соотношение категорий истина – польза – успех – богатство.

Уже в древнегреческой философии четко обозначались две позиции в решении этого вопроса. Первая была высказана софистами: моя личная польза и есть истина, и дело заключается в том, чтобы суметь ее доказать любыми способами.

Вторая позиция – Сократ и Платон. Начинать следует не с пользы, а с истины. Она имеет онтологический характер, пребывает в мире идей и потому абсолютна, свободна от релятивизма.

В американском прагматизме истина утрачивает онтологический статус, переводится в разряд теоретико-познавательных категорий, приобретает характер относительности, инструментальности: это то, что полезно, удобно и улучшает нашу жизнь.

В казахской национальной традиции истина снова обретает онтологическое звучание, но теперь уже в духовном измерении. Польза, успех, богатство, определяются духовной Истиной: то, что способствует благу отдельного человека и всего народа, то, что имеет нравственный смысл.

В этом и заключается особенность национальной модели прагматизма, где в ряд категорий истина – польза, успех, богатство – встраиваются категории ценностного звучания: человечность, справедливость, милосердие, любовь.

Ключевые слова: национальный код, прагматизм, истина, успех, польза, богатство, добродетель, человечность, милосердие, солидарность.

Введение

Казахстан вступает в новый исторический период, когда политическое и экономическое продвижение страны в глобальном мире имеет необходимым условием модернизацию общественного сознания.

Занять первые места в передовой группе государств возможно сегодня только изменяя модель общественного сознания и мышления. Президент страны Н.А. Назарбаев дает ясную и четкую программу такой модернизации [2017]. Среди основных направлений названы сохранение кода, культурных традиций народа, своего самобытного неповторимого лица и прагматизм как способ мышления и поведения, востребованный современной эпохой.

Что это означает? Восстановление исконно национальной черты казачков, проявившейся в истории страны на протяжении веков: бережное, экономное отношение к окружающей среде, сохранение уникального экологического уклада жизни, рациональное взвешивание своих возможностей с позиций полезности и успешности. Национальный прагматизм получает новые смысловые оттенки в мире глобализации, когда требуется ориентироваться на культуру рациональности, умеренности, отказываться от роскоши, от чванливости, имея в виду конкретные практические результаты.

Как философский концепт, прагматизм оформился в Соединенных Штатах и затем по праву вошел в мировое философское пространство. Но его основные категории истина-польза-успех-богатство активно обсуждались в историко-философском контексте, прежде всего, античного мира.

Представляется весьма значимым рассмотреть и проанализировать определяющие позиции по этой важнейшей проблеме: древнегреческий дискурс, американский регион, национальная модель, чтобы сопоставить их сущностные основы и определить особенности национального типа прагматизма, который стоит сегодня в современной повестке дня.

В статье используются апробированные методы историко-философской реконструкции и философской компаративистики.

Древнегреческий дискурс: истина и польза

В истории философии трудно найти философское исследование, специально посвященное категории «польза». Трудно или невозможно? Какую она занимает территорию? Онтологии, гносеологии, этики? Каков ее понятийный статус?

Но самое важное об этом предмете все-таки было сказано. И уже в древнегреческой философии.

Слово «польза» не исчезает со страниц диалогов Платона, встречаясь в различных вариациях и смыслах. И, как всегда, обнаруживается, казалось бы, неразрешимый парадокс. С одной стороны, польза без устали прославляется. Но с другой, осмеивается и порицается.

Прославляется она, потому что оказывается в одном ряду с высочайшей категорией «благо»: так, рассудительность есть нечто полезное и благое, – разъясняет Платон. Врач, делая кого-то здоровым, приносит пользу и себе, и тому, кого он излечивает. И наказание – благо для того, кто его заслуживает. Оно идет ему на пользу.

Более того, полезное не только соизмеримо с благом. «Полезное это то, что творит благо» [Платон 1990, с. 406]. Значит, полезное – не статично, но в себе подвижно, способно к творению, к созиданию. И, действительно, не все ли что делает и к чему издревле стремится человек,

он делает это для пользы, блага и себя, и своих ближних. Это не только философские категории. Это категории жизни.

У Платона [1990, с. 653] находим филологическое истолкование названных категорий, а также тех, что с ними связаны: «подходящее», «целесообразное», «прибыльное». «**Подходящее**» – как бы «хождение души подле вещей, и результат этого хождения и называется «подходящим» или «удачей». «Целесообразное» – то, что не позволяет вещам стоять на месте, способствуя их нескончаемости.

Теперь собственно о полезном. Офелейт – термин, который часто встречается у Гомера. И означает он «приумножать». «Так что полезное – это наименование увеличения и созидания». Здесь снова подчеркивается деятельная, творческая сила полезного.

А чтобы еще явственнее обнаружить созидующую мощь полезного, Платон [1990, с. 654] не упускает из виду его противоположность – **вредное**. Оно означает то, что сдерживает несущийся поток, желает его остановить, «обвить веревками». Так что наиболее точно было бы назвать то, что связывает поток, «вредным», а «вредным его зовут красоты ради».

Значит, полезное способствует бесконечности потока сущего, творит, созидает благо, а вредное, напротив, желает приостановить поток, прервать его ток, накрепко связав «веревками». Вот так образно представляет Платон противоположность «полезное» – «вредное». «Полезное», стало быть, в противовес «вредному» прославляется. В нем обнаруживается созидательная мощь, порыв к благу.

Но есть у Платона и противоположная тенденция. Полезное, польза ставится под сомнение. И это в связи с деятельностью софистов и их полемикой с Сократом. Пройдя софистическую школу аргументации, Сократ становится первым и непримиримым оппонентом бывших учителей. Они поначалу не принимают всерьез его глуповатых, как им кажется, вопросов. Другое дело – их собственные занятия. Их приглашают государственные деятели, чтобы выслушать высочайшие советы. Их зовут в частные дома, чтобы обучать и воспитывать молодежь. И при этом платят за их мудрость немалые суммы, понимая, какую пользу они приносят. Ведь просто так денег никто не заплатит.

А Сократ, великий простака, а еще крючкотвор, вечно занимается каким-то ничтожными, мелкими, ничего не стоящими вещами. Какая польза от его неугомонных, пустых вопросов? Вот и денег ему никто поэтому не платит.

Софист Гиппий Большой с презрением взирает на Сократа – де, занимается тот пустословием и праздно болтовней. А он, Гиппий, не знает отбоя от приглашений – оказывает благодеяния государству и в частой жизни приносит большую пользу молодым людям. «Если бы ты знал, сколько денег заработал я, ты бы изумился!» – небрежно бросает он Со-

крату. «Многие согласны в том, что мудрец должен быть, прежде всего, мудрым для самого себя. Определяется же это так: мудр тот, кто заработал больше денег» [Платон 1968, с. 153], – иронизирует Сократ.

Сегодня, наверняка, иные не поймут сократовской иронии и примут его слова за чистую монету. А он расхваливает, мудрость софистов: «Милый Гиппий, ты счастлив, потому что знаешь, чем следует заниматься человеку, и занимаешься этим как должно... Мною же как будто владеет какая-то роковая сила, так как я вечно блуждаю и не нахожу выхода» [Платон 1968, с. 185].

На самом деле эта «роковая сила» позволяет Сократу обнаружить, кто же на самом деле приносит пользу. Деньги тут ничего не решают, не тот это аргумент. Главное выяснить – чему учат софисты? Если, как они поясняют, дают знание о том, как **лучше** вести свой дом и управлять государством, то что означает «**лучшее?**». Что такое вообще добродетель, справедливость, истина? На такие «никчемные» вопросы софисты ответить не в состоянии.

И тогда Сократ задается вполне законным вопросом: не уподобляются ли софисты тем бойким разносчикам товаров, которые сами не знают, полезен или вреден их товар, но навязывают его ради продажи. Так и софисты сами не знают, полезны ли их поучения или, скорее, вредоносны для тех, с кого они берут деньги.

Польза, которой так похваляются софисты, хотя и высоко оплачивается, не приносит никакого блага, не несет в себя творческой силы. Значит, есть польза и польза. Исходя из позиции этой категории, парадокс не разрешить. Требуется подключить другую категорию, подлинную королеву философии – истину. Причем, понимаемую не в гносеологическом, а в онтологическом ключе, как Истину – Благо.

Софисты тоже это понимали. Выступая против догматизма здравого смысла, они выдвинули принцип изостении: на каждый предмет можно посмотреть с различных сторон. И каждая позиция имеет право на существование. Гегель высоко оценил новаторство софистов: это – точка зрения опровержения догматизма, позиция образованности. Но тут же добавил: недостаточной. Софисты останавливаются на множественности подходов и не делают следующего решающего шага: как объединить различные взгляды, где же общая платформа, способная привести к единству и согласию? [Гегель 1977]. Именно такую платформу ищет Сократ, желающий объединить, собрать воедино то, что распадается.

Но софисты не удовлетворились логическим принципом изостении. Они пошли значительно дальше. Из многочисленных позиций хорошо бы выбрать ту, которая лично мне приносит пользу. Она и будет истиной, естественно, для меня. И не имеет значения, соответствует ли то, что выбрано, действительности. Происходит прямое отождествление: польза и есть истина. Тем самым истина как таковая, объективная, абсолютная, универсальная отвергается. В ней просто уже нет надобности.

Тут нерв полемики Сократа с софистами. Нет, дорогие мои, – говорит он. – Начнем-ка не с пользы, а, напротив, с истины. Тогда и выяснится природа пользы и разрешится парадокс, о котором говорилось выше.

Истина есть великое слово и еще более великое дело. Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь, – скажет много позже Гегель [1977]. Истину невозможно отрицать. Утверждающий, что «Истины нет», претендует на истинность своего тезиса, т.е. подтверждает истину. Значит, истина непобедима уже на уровне логики.

И, конечно же, речь идет об истине, прежде всего, в ее онтологическом смысле. Это Истина – Благо, поэтому, когда Сократ утверждает – знающий, что есть добро само по себе, не может свершить зла, он прав во сто крат. Ведь он имеет в виду духовное знание, подлинную Истину. И нет оснований упрекать его в рационализации, в редукции добродетели к знанию.

Только начиная с Аристотеля истина оказалась «втиснутой» в теоретико-познавательные рамки и стала пониматься как соответствие понятия своему предмету. Гегель, правда, не согласился с Стагиритом и внес важную поправку: истина, напротив, есть соответствие предмета своему понятию. Истинный друг, к примеру, тот, кто соответствует понятию «дружба» [Аристотель 1984].

Мартин Хайдеггер возвращает истину в онтологический контекст. После Аристотеля, утверждает основатель фундаментальной онтологии, философия не сдвинулась с места в вопросе об истине. Хайдеггер ставит проблему иначе. Возвращаясь к досократикам, надо возобновить онтологическое понимание истины, связывающее ее с бытием. «Истинное бытие как открывающее бытие есть бытийственный способ Dasein» Хайдеггер говорит в этой связи об освещенности, «световости» бытия-в-мире: мировость онтологически «залита светом».

Удивительно, как сказанное сегодня философское слово перекликается с тем, что было сообщено еще древними! И не только досократиками, но и Платоном. Истина – алетейя, открытие сущего, проникновение в самое сокровенное, свет, солнечное сияние, разгоняющее мрак ночи, невежества. Именем истины «назван божественный порыв сущего – так, как если бы это было божественным наитием» [Платон 1990, с. 658].

Истина-благо всегда **полезна**. Потому что она способствует утверждению добра и противодействует свершению зла. А вот польза не всегда истинна. Польза в самой себе неустойчива, относительна, изменчива. Она сразу вызывает серию вопросов: для кого эта польза, не может ли она превратиться в свою противоположность? И в самом деле то, что полезно для одного, вредно для другого. И более, то, что полезно человеку в одном состоянии, вредно ему же – в другом. Это выяснили уже античные

скептики. Да и без них ясно: лекарство полезно только больному. Значит, польза – категория сугубо относительная, в отличие от Истины – Блага, обладающей статусом абсолютного.

Но сказанного мало. Польза двусмысленна в ценностном измерении. Она может быть пользой и для доброго дела, и для злого умысла. Для преступника и казнокрада пользой будет избежание наказания, вопреки мнению Сократа. Польза обретает устойчивость только тогда, когда «прикрепляется» к спасательному кругу истины.

Платон устами Сократа хорошо это разъяснил. Рассмотрим, говорит он, то, что нам полезно – здоровье, красота, сила, богатство. Но может быть и так, что эти дары окажутся вредными, если применять их безрассудно, не опираясь на Разум – Истину. То же самое можно сказать о человеческих качествах – мужество, понятливость, щедрость. Они тоже могут принести вред. Мужество, к примеру, превратится в дерзость, щедрость – в расточительность. «Ведь все, что касается души, само по себе не полезно и не вредно, но становится вредным или полезным благодаря разуму или безрассудству» [Платон 1990, с. 599]. Истина – благо, обитающая в душе, решает, что человеку полезно, а что вредно.

Сказанное хорошо понимается на примере наказания. Когда человек совершил неблаговидный поступок, проявил несправедливость, душа его страдает больше, чем от таких зол, как бедность или болезнь. И тогда пользу может принести только одно – наказание, через которое душа облегчается. Ведь испорченность души – самая постыдная, а «самое постыдное всегда причиняет либо самое большое страдание, либо самый большой вред» [1990, 515].

Теперь можно сказать, что обозначенный выше парадокс разрешается: восславление пользы и ее порицание. Когда Истина-Благо направляет пользу, она достойна похвалы. Когда же польза не связана с Истиной, она превращается в свою противоположность и наносит человеку вред. Тогда и можно ответить на такие, к примеру, непростые вопросы: полезна ли рассудительность, полезна ли справедливость. Даже если справедливый страдает и подвергается наказанию, его душа остается чистой и потому быть справедливым, не уступая коварству и лжи – всегда благотворно и полезно.

Но древние греки, хотя и сказали о нашей теме нечто важное, оставили и другим эпохам вопросы для размышления.

Американская философия успеха

Философский концепт, в котором соотношение истины и пользы занимает ключевую позицию, возник в XX столетии и, не случайно в такой стране как Америка. Прагматизм (греч. прагма – дело, действие) стал ис-

тинно американской философией, выражая своеобразный дух американизма. Страна эмигрантов, множества этносов, религий, социальных столкновений, противоречивых интересов и культурных традиций должна была сплотиться, чтобы стать неким единством. Надо было завоевывать, покорять громадные территории, добывать золото, проявлять упорство и предприимчивость, чтобы добиться успеха и обойти «на повороте» соперников.

В такой ситуации было не до метафизических вопрошаний. Европейская философия с ее трансцендентализмом не могла прижиться на земле охотников, золотоискателей, первооткрывателей. Им надо было действовать здесь и сейчас, промедление могло стоить жизни. Здравый смысл, трезвый расчет, изворотливость ума, способность закрывать глаза на «угрызения» совести, физическая выносливость и, главное, умение быстро ориентироваться в пространстве «торга», где решающим аргументом были деньги и только деньги – вот жизненная философия американцев. И неважно, каким образом добываются деньги. К философии европейского типа американцы сразу проявили крайнюю степень отвращения, так что сложилось устойчивое мнение об их подчеркнутой антифилософичности.

Но вот являются образованные, знающие толк в философских дебатах люди, и рождается доктрина, соответствующая устремлениям предприимчивых, находчивых, быстрых на мысль и действие сограждан. Прагматизм утверждает себя в качестве философской концепции и даже выходит за границы Америки, в европейское континентальное сообщество.

Вильям Джемс [1995, с. 128], один из самых ярких представителей «золотого века» прагматизма, решает покончить с тяжеловесными раздумьями, отнимающими драгоценное время жизни. «Человек не может ждать того состояния ума, когда ему все будет ясно, он должен действовать здесь и сейчас». А чтобы действовать, нужен надежный инструмент. Таковым инструментом и является истина. «Истина наших мыслей означает их способность работать на нас».

Прагматисты, в отличие от софистов, начинают свои рассуждения не с категории «польза», а с категории «истина». Но что такое, с их точки зрения, истина? Конечно, совсем не то, о чем вел речь в своих загадочных пассажах Сократ: не Истина-Благо, имеющая духовный смысл. Прагматисты меняют «адрес» истины и, следуя Аристотелю, размещают ее в теоретико-познавательном пространстве. В то же время они не соглашались с определением истины Стагиритом как соответствия мысли действительности.

Истина, утверждает Джемс, – не пассивное отражение, не просто «соответствие». Действительность мобильна, изменчива, плюральна и вызывает к другому подходу, творческому, постоянно обновляющемуся. Истина не «есть», она постоянно «делается», «творится».

Здесь можно было бы вспомнить концепт Иммануила Канта [1964, с. 105] об активности познающего субъекта, о том, что мы познаем ре-

альность, только ее конструируя с помощью априорных форм чувственности и рассудка. «...Хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта». Но вряд ли Джемс и его коллеги по философскому цеху были знакомы с такими мудреными рассуждениями.

Ими движет другой интерес: оправдать, философски закрепить отказ от метафизических «упражнений» и внедрить философию в гущу земных проблем. Истина делается, а ее статус, ее уровень «соответствия» доказывается той пользой, которую из нее можно извлечь. Польза, по сути, и является критерием истины. Становится ли наша жизнь лучше, удовлетворяются ли наши интересы, что получаем мы в действительности от «изобретенных» нами истин? «Если мы примем, что некоторая идея, некое верование истинны, какие конкретные изменения произойдут от этого в жизни, которую мы переживаем? Каким способом эта идея себя реализует? Какие опыты в этом случае произойдут, в отличие от того, как если бы наше верование было ложным? Короче, какую цену, в звонкой монете, в терминах, имеющих смысл в опыте, имеет истина?» [Джемс 1995, с. 143]. И это касается не только обыденной жизни, но и науки, где истиной будет то, что позволяет связать прошлый опыт, известное с неизвестным, являясь в этом смысле удобным. Новые истины в науке – всегда посредники, всегда миротворцы. «Всякая идея, помогающая нам оперировать теоретически или практически, с известной реальностью или с тем, что к ней относится ...подобная идея в достаточной мере соответствует действительности» [Джемс 2011]. Истина – инструмент, и надо изготовить такой инструмент, который бы работал на нас.

Точнее будет сказать, в таком случае не Истина, а истины. Потому что интересов и потребностей множество, и истина становится плюралистичной. «Наша теория истины – это теория истин во множественном числе» [Джемс 2011]. Абсолютной истины, неизменной, совершенной соответствовал бы совершенно мудрый человек и абсолютно законченный опыт. Пока мы не достигли такого состояния, мы должны жить той истиной, которая нам доступна, не страшась признать ее завтра ложью. Настоящее отбрасывает свет на прошлое, и система Птолемея, евклидово пространство, аристотелевская логика обнаруживают свою относительность. Множественность истин, означает, что учитывается личный практический интерес. Истина, исходя отсюда, непременно носит субъективный характер. Субъективное, человеческое оставляет на всем свой след. Независимая «объективная» истина – лишь мертвая сердцевина живого дерева.

Ну что же, пора дать наш комментарий. Согласимся, что в науке, действительно, нет никакой абсолютной истины. То, что вчера было абсолютным, назавтра обнаруживает свою относительность. И все абсолютные истины «слагаются» из суммы относительных.

«Диалектика» абсолютной и относительной истины – откровенный блеф. Потому что относительные истины со временем становятся «абсолютными», а «абсолютные» – снова относительными. Особенно трудно отыскать «абсолютные истины» в гуманитарных науках. Здесь такие истины выражают банальности, вроде того, что «Париж находится во Франции». Но есть города с таким именем и в других странах!

Есть только одна Истина с большой буквы, вечная и неизменная – духовная. И она не превращается ни при каких обстоятельствах в относительную и не подчиняется «всевластной» диалектике. Об этом хорошо говорится Павлом Флоренским в замечательной книге «Столп и утверждение истины», Истина в русском языке – это «естина», т.е. имеет онтологический характер. «Верь в Истину, надейся на Истину, люби Истину» – вот голос самой Истины, неизменно звучащий в душе философа» [Флоренский 1990, с. 72].

Это не только и не столько теоретико-познавательная категория, но основа основ, величайшая Ценность, первозданный смысл, сияние Света. Все, что есть в жизни человеческой – любовь, долг, совесть и, конечно же, польза, успех, богатство – все определяется и утверждается Истиной. Без нее – болото скептицизма, плюрализма, софистики и нет ответа ни на один самый первостепенный вопрос: жизнь, смерть, Бог, свобода, смысл, душа, бессмертие.

Такая Истина, как уже говорилось, накрепко связана с земной категорией «польза», потому что содействует свершению добра и противостоит атаке зла. А вот истины научные, во множественном числе, то «абсолютные», то «относительные», могут быть и полезными, и вредоносными. Смотря потому, кто и как их применяет. Наука в самой себе не имеет критерия добра и зла. Она подчиняется собственной логике, что в истории уже не раз приводило к трагедиям и катастрофам. Но наука – творение человека, и он должен владеть ею, а не она им.

А теперь еще раз о пользе в концепте прагматизма. Джемс дополняет названную категорию, вводя новый термин – успех. Вся жизненная философия американцев, национальная идея супердержавы определяются этим кодовым словом. Каждый человек, будь он из самых низов, не имеющий в кармане ни цента, может подняться по винтовой лестнице успеха, если приложит максимум изобретательности, находчивости, предприимчивости. И национальная идея не остается только лозунгом, но реально движет умами и судьбами миллионов американцев.

Джемс берет на себя смелость и «выдает на гора» общую формулу успеха, применяя самый простой прием школьной арифметики. Наше удовлетворенность жизнью, самоуважение выражаются, оказывается, дробью, в числителе которой реальные успехи, а в знаменателе – притязания и ам-

биции. Дробь растет в двух случаях. Либо мы укрощаем непомерные амбиции, либо увеличиваем меру успеха. «Отказ от притязаний дает нам такое же желанное облегчение, как и осуществление их на деле» [Джемс 2011].

Философ подходит к делу чисто по-американски, прагматично и рационально. Стремитесь вверх, из трущоб к небоскрегам, но не задавайте слишком высокую планку, соизмеряйте свои возможности и силы. Ведь притязания – наше бремя. И Джемс приводит историю об одном разорившемся в пух и прах коммерсанте, который лежал на улице под проливным дождем и уверял, что никогда не чувствовал себя таким счастливым. Но формула Джемса ориентирует на другой вариант: вверх по лестнице успеха, без срывов и падений.

Что такое успех? – вопрошает Джемс. И отвечает: успех успеху рознь. Можно добиться успеха в бизнесе, но пренебречь талантом художника или музыканта. И это будет мнимым, иллюзорным успехом, не приносящим желанного удовлетворения. Человек должен проанализировать самого себя, чтобы найти спасение в развитии глубочайшего пристрастия своего «я». Все другое призрачно, только одно имеет реальное основание в нашем характере. «Неудачи в развитии этой стороны характера суть действительные неудачи, вызывающие стыд, а успех – настоящий успех, приносящий нам истинную радость» [Джемс 2011].

С подобным выводом нельзя не согласиться. Только добавить следует нечто весьма существенное. Каким путем добывается успех, как связана «польза» с подлинным Истиной-Благом, Истиной-совестью? Поскольку в прагматизме признаются только плюральные, множественные истины, то критерий подлинного успеха становится недоступным. А ведь польза, как и успех, может быть связанной совсем не с благом, а с дурными целями и поступками. Только в освещении Истины польза идет в одном ряду с Благом.

Как достигается успех? – снова приступим к Джемсу. Отсекается ли голос совести, чести, идет ли человек «по головам», применяя любые, самые недостойные средства, чтобы добиться своей цели? Не случайны многочисленные упреки в адрес его доктрины: в ней нет, де, возвышенности и благородства, она ориентирована на приземленные цели. Джемсу приходится отбиваться. «То упорство, с каким некоторые из наших критиков вычитывают из наших работ всевозможные глупости, не делает особенной чести их фантазии». Джемс настойчиво разъясняет, что быть прагматиком – не значит предавать высокие идеалы, прикрывая свои низменные интересы модным философским словечком.

Но критики все-таки попадают в цель. У Джемса нет различения пользы для Блага и пользы для зла, то, что уже было определено когда-то Платоном. Отсюда – слабость его философской позиции, открывающей мишень для опровержений.

Современная версия прагматизма представлена, сегодня, именем Ричарда Рорти. Он прошел суровую школу аналитической философии, которая сменила «золотой век» классического прагматизма и долгие годы господствовала в американских университетах и научных кругах. Такой философский порядок привнесли эмигрировавшие в Америку в годы второй мировой войны европейские философские авторитеты: Ганс Рейхенбах, Рудольф Карнап, Эрнест Нагель, Карл Гемпель. Их твердая позиция – прочь от метафизики, к анализу языка науки – соответствовала духу американского прагматизма и здравого смысла. Но пришло время других философских забот. Возникла потребность вновь вернуться к исконному типу американского философствования, но теперь обогащенного опытом аналитики.

Ричард Рорти [1997, с. 8] протестует против однозначной «прописки» истины по эпистемологическому адресу. «Именно образы, а не суждения, именно метафоры, а не утверждения, определяют большую часть наших философских убеждений». Но Рорти и не возвращается к платоновской Истине-Благу. У него другие намерения: вывести истину к поэзии, литературе, искусству. «Чем больше философия становилась «научной» и «строгой», тем меньше она имела дело с остальной культурой и тем более абсурдными казались ее традиционные претензии» [Рорти 1997, с. 4].

Польза философии – в возможности разговора, общения, коммуникации под лозунгом: от эпистемологии к герменевтике. Собеседники Рорти – Гадамер, Хайдеггер, Витгенштейн. Он хочет перекинуть мост между американским философским континентом и Европой. И он это делает практически в своих трудах.

Рорти поддерживает тезис Гадамера о том, что надо раскрыть опыт постижения истины, превышающей область, контролируемую научной методикой [1988]. Но при этом сохраняет свою собственную позицию: «когда вы читаете прагматистов, вы точно понимаете, что это не Декарт, не Кант и не Платон. Это как аспирин. Аспирин не придаст вам сил, но может избавить от головной боли. Точно так же прагматизм – философская терапия, помогающая перестать задаваться ненужными вопросами». Так говорит Ричард Рорти в одном из своих интервью.

«Ненужные вопросы» – о метафизических основах жизни, о предельном смысле бытия, о том, без чего человек перестает быть человеком. О чем же тогда «разговор», «метафоры», «поэзия»? О самых насущных проблемах: права человека, солидарность, политические дебаты, гендерные и расовые вызовы.

Но такой «прагматический поворот» вряд ли вызовет энтузиазм у европейских собратьев. Юрген Хабермас тоже долгое время придерживался точки зрения, согласно которой в мультикультурных обществах, этнически и культурно неоднородных, отпадает всякая возможность согласия на

метафизическом уровне. Но в дальнейшем он пришел к выводу, что без обсуждения и общности базовых метафизических оснований политическое общество окажется неустойчивой, ненадежной. «Несмотря на то, что метафизическое было снято с повестки дня, оно попрежнему формирует последние основы значимости для морально правильного и этически благого... поскольку видение благой жизни есть ядро личного и коллективно-самопонимания» [Хабермас 2001, с. 172].

Это значит, что «ненужные вопросы» неустранимы, так же как воздух, которым мы дышим. Польза, успех, богатство – все эти желанные для человека дары определяются в своей подлинности только через соотношение с духовной Истиной. В отрыве от нее они превращаются в свою противоположность.

Итак, философский концепт прагматизма. Можно подумать, что его внедрение, удачная инъекция придала американизму небывалую силу и способствовала превращению Америки в супердержаву. Но, **во-первых**, возвышение Америки весьма проблематично. Вряд ли кто-то решится назвать ее лидером в духовном плане. **Во-вторых**, если прагматизм и повлиял на подобное «возвышение», то, скорее, в его обыденном, а не философском варианте: успех любой ценой, истина как разменная монета, польза и выгода как безусловные первостепенные ценности.

Национальная модель: нравственный смысл пользы и богатства

Какой же прагматизм имеется виду в казахском национальном коде? Думаю, это соотношение истины и пользы, истины и богатства, свойственное казахской народной традиции, поддержанной мудростью Қорқыт-Ата, казахских жырау и акынов, творчеством Чокана Валиханова и Абая Кунанбаева. Кочевой образ жизни требовал рационального, экономного, бережного отношения к окружающей среде. И в то же время жизнь эта была подобна прекрасным звукам домбры, быстрой скачке на резвом коне, долгим вечерним разговорам с мудрыми аксакалами. Степь, горы, звездное небо над головой, вся жизненная среда, обращала к размышлениям о вечных вопросах жизни, называемых философами экзистенциальными.

Национальный прагматизм носит совершенно особый характер и связан он с присущей казахам эстетикой жизни, любованием неизреченной красотой мироустройства, восхищением благостью и милосердием Всевышнего. Национальный прагматизм органично сочетается с национальным экзистенциализмом, прислушиванием к голосу Вселенной, к высшей мудрости бытия.

Соотношение истины и пользы – одна из основных тем философии Абая. Как помним, для Платона содержание и цели пользы определяются Истиной-Благом, пребывающей в мире идей и потому абсолютной, вечной, безупречной. Польза, напротив, всегда относительна, – для одного человека

она благотворна, для другого может обернуть злом. У пользы нет онтологического статуса, она определяет свой характер только благодаря Истине.

В американском прагматизме Истина утрачивает онтологический характер и вписывается в теоретико-познавательный контекст, где сосуществуют множество истин, общаясь друг с другом, принимая то «относительный», то «абсолютный» смысл. Польза в таком случае – это инструментальность истины, ее способность оказывать влияние на жизнь. Тут неизбежен плюрализм, тут нет прочной основы для определения пользы и успеха.

В философии Абая появляется совершенно новое измерение для выяснения статуса Истины и, соответственно, пользы. Как и Платон, Абай придает Истине онтологическое звучание. Но теперь это духовное пространство исламской веры. «Истина – это Аллах». Он сотворил мир и человека с его волей и живой душой. Вспоминая один из диалогов Платона, Абай воспроизводит разговор Сократа с неким Аристодемом. Сократ спрашивает его, есть ли на свете творения, вызывающие у нас восторг и, получив утвердительный ответ, идет в наступление. Все это – только изображения, звуки, напевы. Что значат они по сравнению с творением Всевышнего?

Все вокруг – солнце, земля, ручьи, моря – создано так, что в своей взаимосвязи способствует благу человека. А сам человек? Вдумайся в строение нашего тела. «Он дал глаза, чтоб видеть, без них мы не могли бы наслаждаться красотами мира... Не будь у нас ушей, мы не могли бы слышать ни грохота, ни нежных звуков, не могли бы наслаждаться пением и музыкой... Разве это все не на пользу нам сотворено?» [Абай 1993, с. 44].

В концепции Абая Бог-Истина созидает мир и человека с **пользой**, так что все прилажено, приспособлено друг к другу, образуя единое целое, гармоничное, совершенное, целесообразное. У прагматистов истина есть инструмент, приносящий пользу. У Абая Истина-Аллах, созидая мир и человека, руководствуется пользой, т.е. польза понимается как один из важнейших принципов божьего творения. И деятельность человека в своей тональности определяется тем же критерием. В одном из хадисов, пишет Абай [1993, с. 71], «лучшими из людей считаются те, кто приносят пользу окружающим».

Польза, стало быть, освобождается от налета релятивизма и плюрализма: мол, то, что полезно для одного, вредно для другого. Для Абая Истина едина для всех людей, и потому польза тоже может быть общей. И для того, кто познает Истину, жизненным стремлением становится не собственная польза, а польза окружающих, польза для своего народа, для всего человечества. Это совсем другой поворот мировоззрения, нежели тот, которому учат релятивисты.

«Все, что создано Аллахом имеет свое назначение, плоды твоего труда тоже должны быть обращены на пользу людям» [Абай 1993, с. 76]. В таком понимании польза действительно встраивается в один ряд с Бла-

гом. А вот если ее трактовать плюралистично – т.е. радеть только о себе, рассматривая всех остальных в качестве средства для достижения своих неблагоприятных целей, такая «польза» с позиций большой Истины приносит вред и самому страждущему, и его окружению. Но именно подобным образом понимают сегодня пользу многие и многие, стремясь захватить самый сочный кусок пирога и оттолкнуть от него всех остальных. Не этому, не этому учит нас Абай.

Назначение мудреца – направить людей на путь Истины. Но прежде надо самому познать Истину и не отступать от нее даже под страхом смерти.

Польза, с точки зрения Абая, вопреки Платону, не может быть относительной. Соизмеряясь с Истиной-Аллахом, польза это то, что способствует живой, одухотворенной жизни, наполненной светом любви и милосердия, то, что очищает и возвышает душу, делает ум ясным и сердечным.

Пользу приносит знание, противостоящее лени и невежеству. Абай, призывая свой народ к овладению знаниями, предупреждает, что к знаниям следует стремиться не для выгоды, не в целях накопительства и наживы. Он четко разграничивает пользу и выгоду, как дело расчета, торгашества, надувательства, обмана. «Мы не стремимся овладеть знаниям в целях наживы... Не достигнуть вершин Науки, занимаясь ею для стяжательства, достижения корыстных низменных целей» [Абай 1993, с. 61]. Истина открывается только через любовь к ней, через бескорыстие и преданность.

Здесь невольно вспоминается признание одного из молодых наших ученых, только вступающих в науку: «Я понял, что такое знание. Это то, что можно продать». Нет, не достигнет такой вершин науки. Может быть, подработает только на пропитание.

Красота тоже приносит пользу. «Красота мироздания облагораживает человеческий разум» [Абай 1993, с. 73]. Ведь только красоте из всех вечных сущностей дано быть видимой, зримой. В этом сиянии обнаруживается, божественное, духовное. Абай не удовлетворяется философской прозой. Переполняющее его чувство восхищения, благодарности Всевышнему он передает в проникновенных стихотворных строках.

*Исчезает к весне дух зимы ледяной,
Расцветает земля, как ковер травяной.
Высыпая на свет, словно дети к отцу,
Все живое обласкано солнцем весной* [Абай 1996, с. 9].

Философия, поэзия, музыка – чудесный, плодотворный союз, позволяющей душе Абая высказать свою внутреннюю суть.

Полезна, говорит он, и вера. Только та, которая идет от сердца, искренняя, чистая, разумная. «Твоя вера окажется поистине праведной, принесет пользу, когда ты сам этого жаждешь. Но если твоя вера не касается глубины сердца, если ты веришь не ради Аллаха, а ради своего спасения,

ограничиваясь внешним исполнением обрядов «пользы от нее тебе не будет никакой» [Абай 1993, с. 62]. Ухо, привыкшее считать пользу чем-то приземленным, корыстным, здесь несомненно насторожится. Но Абай имеет в виду пользу – благо, связанную с истиной, возвышающую душу.

И, конечно, полезен труд, обучение ремеслу, освобождение от праздности и безделья. Подобный сюжет выводит нас к философии богатства Абая. Он выстраивает четкую концепцию, поясняя, что есть богатство, каковы его цели, какими путями его достигают и как затем используют. Все названные этапы сущностно связаны друг с другом.

Бог создал богатство и бедность. Но богатыми и бедными делают себя сами люди. Абсолютно богатым, говорит Абай, следуя Аль-Газали, является только Всевышний, от которого исходит бытие. Богатство же людей может быть и величайшим благом, и величайшим злом. Все зависит от того, овладеет ли человек богатством, заставит ли его служить благим целям или, напротив, оно его поработит, сделает своим невольником.

«Известно, что трое приближенных Пророка – хазрет Гусман, Габдурахман ибн Гауф, Сагид ибн Абдукас славились своими богатствами» [Абай 1993, с. 70]. Богатство и слава могут стать украшением человека и вызвать к нему всеобщее уважение. И Абай объясняет, что для этого необходимо.

Прежде всего, надо выяснить: для чего человек хочет разбогатеть? «Между богатством, накопленным для того, чтобы возвыситься, и богатством, которое копят для того, чтобы иметь возможность помочь страждущим и не быть в зависимости от других есть большая разница» [Абай 1993, с. 73]. Различные цели обогащения приводят к использованию различных используемых средств. Если желают возвыситься, присвоить все накопленное без того, чтобы помогать другим – такое богатство лишено нравственного смысла. И средства, применяемые при этом, тоже безнравственны: подкуп, шантаж, преступление – все идет в ход, и алчность в этом случае не знает предела. Если же цели богатства иные – добиться независимости, помогать ближним, своему народу, стране – то и средства будут соответственными: честный труд, овладение знаниями, любознательность, целеустремленность «Кто не сумеет разбогатеть, если будет трудиться без лени, добиваться без усталости, творить с умом?» [Абай 1993, с. 23]. Но есть люди, которых такой путь не устраивает. Они или молят Бога о богатстве или становятся жалкими прихлебателями, лестью и уловками добывая пропитание, довольствуясь содержанием у богатей.

Средства и пути к богатству определяет и то, как оно будет использоваться, выявится ли его нравственный смысл. «Я еще не встречал человека, который бы, добыв богатство разбойным путем, использовал бы его на благое дело. То, что добыть собачьим путем и тратится будет по-собачьи. И не остается от такого богатства ничего, кроме горечи разочарования, злобы, душевных мук» [Абай 1993, с. 24].

Богатство опасно еще тем, что скрывает истину, глупого представляет умным, безобразного – красивым, несправедливого-справедливым, слабого-сильным. Об этой тайной силе богатства с его оборотнической оптикой писал в свое время и Маркс.

Способность денег все переворачивать, представлять в ином свете высказывается и в некоторых казахских пословицах. Абай предупреждает, что в пословицах концентрируется не только позитивный опыт народа, но и его негативные черты. К таким пословицам надо относиться критически, не принимая их ложную мудрость. «Богатая казна милее отца с матерью». Какую цену можно дать за жизнь того негодяя, которому казна кажется милее отца с матерью? Только человек, лишенный ума и чести, может променять отца с матерью на золото» [Абай 1993, с. 48]. Или вот еще: «Кто добыл богатство, тот безгрешен», «У имущего лик светел». Абай не приемлет такие пословицы, рожденные ханжеством и недомыслием.

Богатство, повторяю, само по себе – не добро и не зло. Все зависит от того, как его добывать и на что использовать. И даже если все свершается по справедливости, честным, добросовестным трудом, богатство не может быть конечной целью человека. От призван к тому, чтобы утвердиться и возвыситься духовно, услышать глас Всевышнего.

Абай обнаруживает социально-философский смысл богатства. Это не только личные блага, но все, что создано и создается человеком в его неустанных поисках истины, созидании предметного мира, утверждении подлинной справедливости. «Все, что добывается трудом и находится вне тебя, называется богатством» [Абай 1993, с. 87]. Искусство, ремесло, знания, человечность – вот те богатства, которые не иссякают со временем, а напротив, накапливаются как истинное сокровище – в отличие от богатства материального, которое легко можно истратить и потерять.

Люди веками ищут сокровища, клады, закопанные когда-то монеты, золото. И часто в том преуспевают. Но сокровище хранится в нашей душе. Оно совсем близко и очень-очень далеко, для многих почти недоступно. Для Абая подлинное сокровище – истинная вера, та высшая Истина, прикосновение к которой оправдывает пользу, превращая ее в благо, придает нравственный смысл богатству.

Все, что говорит Абай, настолько жизненно, что кажется: он вошел в наше время и проникся нашими проблемами. Общество, где социальное расслоение продолжает обостряться, а деньги становятся главным мерилом существования, заменяя порою и честь, и достоинство, и любовь, для такого общества наставления великого мыслителя о пользе, о богатстве, о человеке становятся необычайно востребованными.

Общественное сознание казахстанцев все еще не избавилось от назойливого стереотипа о вредоносном характере богатства и воспринятого

каждым еще в детстве образа богача, глупого и жадного героя народных сказок, где всегда побеждает честный и умный бедняк. Однако времена меняются. И в пору писать сегодня другие сказки. Абай, обгоняя свое время, стал нашим активным современником, раскрыл суть и содержание категорий «польза» и «богатство». С его помощью можно преодолеть стереотипы. Ведь богатство ругает прежде всего тот, кто не может сам разбогатеть, а бедность часто порождается ленью и невежеством.

Но разъяснений Абая, наверное, недостаточно, чтобы в общественном сознании воспитать уважение к богатству, признание того, что человек заслужил его своим трудом и талантом. Для такого признания необходимо реальное изменение существующего положения дел: создание таких социальных условий, при которых стало бы невозможным получение и удержание богатства негодными средствами. И главное, таких условий, при которых акцент в общественном сознании оказался бы перенесенным с материального на духовное богатство: человечность, любовь, солидарность, единство, понимание. Все то, что Абай называл живой жизнью в отличие от мертвечины, которая питается невежеством, завистью, ленью, чванливостью, спесью, злодеянием. Ведь все мы гости на этой земле, - напоминает Великий, пришли на мгновение и неизбежно уйдем в свой настоящий Дом. Так пусть это мгновение будет светлым и радостным.

Выводы

Вот он какой, национальный прагматизм. Честный труд, приносящий пользу всем окружающим, нравственный смысл богатства, первенство духовных ценностей человечности и любви, стремление к творчеству и мастерству, отказ от роскоши и праздной жизни, бережное отношение к окружающему миру, восхищение его красотой и целесообразностью. Нет даже намек на софистические экзерсисы, превращающие в истину собственную пользу и выгоду, оправдывающие любые средства для достижения далеко не праведных целей.

Национальный прагматизм соответствует духу времени: польза, успех, богатство всей страны и каждого гражданина с преобладанием духовно-нравственных ценностей – единства, солидарности, человечности. Поэтому ряд категорий истина-польза-успех-богатство соотносятся в казахской модели с категориями ценностного плана, что соответствует национальному коду и требованиям современной повестки дня.

Библиография

Аристотель, 1984. 'Никомахова этика', *Сочинения в четырех томах*, т. 4. М., 828 с.

- Абай, 1993. 'Книга слов', Шакарим затски забытого. Алма-Ата, Ел.
- Абай (Ибраһим), Кунанбаев, 1996. 'Избранное', перевод с казахского и комментарий Ауезхана Кодара. Алматы, Ана тілі, 222 с.
- Абдильдин, Ж. & Абдильдина, Р. 2015. 'Гениальный мыслитель и гуманист'. Астана, Foliant, 228 с.
- Газали, Г. 1988. 'Истина и метод'. М., Прогресс, 704 с.
- Гегель, Г.В.Ф. 1977. 'Энциклопедия философских наук', т.3., *Философия духа*. М., Мысль, 470 с.
- Джемс, В. 2011. 'Прагматизм. Новой название для некоторых старых методов мышления'. ЛКИ.
- Джемс, В. 2011. 'Психология'. М., Академический проект.
- James, W. 1995. 'Pragmatism (Philosophical Classics)'. Dover Publications, P. 128.
- Кант, И. 1964. 'Сочинения в шести томах', том 3. *Критика чистого разума*. М., 798 с.
- Назарбаев, Н. 2017. 'Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания'. [Электронный ресурс]. URL: www.akorda, 12 апреля.
- Рорти, Р. 1997. 'Релятивизм: найденное и сделанное', *Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст*. М., Фонд «Традиция».
- Рорти, Р. 1997. 'Философия и зеркало природы'. Новосибирск, издательство новосибирского университета, 299 с.
- Соловьева, Г. 1996. 'Абай в контексте современной зарубежной мысли' (Абай и Хайдеггер. Восточная философия: история и современность). Алматы, Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК.
- Соловьева, Г. 2016. 'Рецензия на книгу Ж. Абдильдина и Р. Абдильдиной «Абай гениальный мыслитель и гуманист»'. *Вопросы философии*, №10.
- Платон, 1990. 'Собрание сочинений в четырех томах'. Том 1. М., Мысль, 859 с.
- Платон, 1968. 'Сочинения в трех томах', том 1. М., Мысль, 621 с.
- Флоренский, П. 1990. 'Сочинение', том 1, *Столы и утверждение истины*. М., Правда, 490 с.
- Хайдеггер, М. 1976. 'Sein und Zeit. Herrman'.
- Хабермас, Ю. 2001. 'Вовлечение другого. Очерки политической теории'. Санкт-Петербург, Наука.

Transliteration

- Aristotel', 1984. 'Nikomahova jetika' [Nikomakh's Ethics], *Sochinenija v chetyreh tomah*, т. 4. М., 828 s.
- Abaj, 1993. 'Kniga slov' [Book of Words], *Shakarim zatski zabytogo*. Alma-Ata, El.
- Abaj (Ibrahim), Kunanbaev, 1996. 'Izbrannoe' [My Favorites], perevod s kazahskogo i kommentarij Auezhana Kodara. Almaty, Ana tili, 222 s.
- Abdil'din, Zh. & Abdil'dina, R. 2015. 'Genial'nyj myslitel' i gumanist' [An Ingenious Thinker and a Humanist]. Astana, Foliant, 228 s.
- Gazali, G. 1988. 'Istina i metod' [Truth and Method]. М., Progress, 704 s.
- Gegel', G.V.F. 1977. 'Jenciklopedija filosofskih nauk' [Encyclopedia of Philosophical Sciences], т. 3., *Filosofija duha*. М., Mysl', 470 s.

Dzhems, V. 2011. 'Pragmatizm. Novoj nazvanie dlja nekotoryh staryh metodov myshlenija' [Pragmatism. A New Name For Some Old Methods of Thinking]. LKI.

Dzhems, V. 2011. 'Psihologija' [Psychology]. M., Akademicheskij proekt.

James, W. 1995. 'Pragmatism (Philosophical Classics)'. Dover Publications, P. 128.

Kant, I. 1964. 'Sochinenija v shesti tomah' [Works in Six Volumes], tom 3. *Kritika chistogo razuma*. M., 798 s.

Nazarbaev, N. 2017. 'Vzgljad v budushhee: modernizacija obshhestvennogo soznaniya' [Looking to the Future: Modernizing the Public Consciousness]. [Elektronnyj resurs]. URL: www.akorda, 12 aprelja.

Rorti, R. 1997. 'Reljativizm: najdennoe i sdelannoe' [Relativism: Found and Done], *Filosofskij pragmatizm Richarda Rorti i rossijskij kontekst*. M., Fond «Tradicija».

Rorti, R. 1997. 'Filosofija i zerkalo prirody' [Philosophy and the Mirror of Nature]. Novosibirsk, izdatel'stvo novosibirskogo universiteta, 299 s.

Solov'eva, G. 1996. 'Abaj v kontekste sovremennoj zarubezhnoj mysli [Abai in the Context of Modern Foreign Thought], (Abaj i Hajdegger'. *Vostochnaja filosofija: istorija i sovremennost'*). Almaty, Institut filosofii, politologii i religiovedenija KN MON RK.

Solov'eva, G. 2016. 'Recenzija na knigu Zh. Abdil'dina i R. Abdil'dinoy «Abaj genial'nyj myslitel' i gumanist»' [A Review of the Book By Zh. Abdildin and R. Abdildina "Abai is a Brilliant Thinker and Humanist"]. *Voprosy filosofii*, №10.

Platon. 1990. 'Sobranie sochinenij v chetyreh tomah' [Collected Works in Four Volumes], tom 1. M., Mysl', 859 s.

Platon. 1968. 'Sochinenija v treh tomah' [Works in Three Volumes], tom 1. M., Mysl', 621 s.

Florenskij, P. 1990. 'Sochenie' [The Writing], tom 1, *Stolp i utverzhenie istiny*. M., Pravda, 490 s.

Hajdegger, M. 1976. 'Sein und Zeit. Herrman'.

Habermas, Ju. 2001. 'Vovlechenie drugogo. Oчерki politicheskoy teorii' [Involving Another. Essays on Political Theory]. Sankt-Peterburg, Nauka.

Соловьева Г.Г.

Прагматизмнің философиялық концептісі және ұлттық код

Мақалада прагматизмнің тарихи-философиялық концептілері: ежелгі гректік дискурс, бүгінгі күннің келелі мәселесі болып отырған американдық аймақ және ұлттық үлгіге компаративистік тұрғыдан талдау жасалынған.

Зерттеу нәтижесінде прагматизмнің негізгі категориялары: ақиқат – пайда – жетістік – байлықтың ұлттық түсініктегі ерекшеліктері ашылды. Бұл ерекшеліктер аталған категориялардың құндылықтық сипатқа ие ұлттық код пен қазақтың әлемге қатынасына сәйкес келетін басқа категориалдық шектер: адамшылық, әділеттілік, махаббат, мейірімділікпен салыстырғанда өнегелілік мәнін анықтау болып табылады.